

Лекция №20. Тема: **Психоанализ**

План:

1. Зигмунд Фрейд - основатель психоанализа
2. Карл Густав Юнг
- Карл Густав Юнг о душе
3. К. Г. Юнг и З. Фрейд
4. Альфред Адлер
5. Экзистенциальный психоанализ Э.Фромма.

1. Зигмунд Фрейд - основатель психоанализа

Психоанализ — учение, громко и скандально известное за пределами научно-теоретического круга и широко вошедшее в современное общественное сознание. В ходе развития он породил множество интерпретаций, далеко вышедших за пределы собственно-фрейдистских идей. Психоанализ, во всех своих вариациях, с самого начала претендовал на то, чтобы стать центральной теорией индивидуальной психической жизни человека и человеческой культуры в целом. Психоанализ представлен именами З. Фрейда, К.-Г. Юнга, Р. Адлера, В. Райха, К. Хорни, Р. Ассаджиоли, Э. Фромма, В. Франкла, Э. Берна и др.

Зигмунд Фрейд (1856—1939), австрийский врач, начал свою исследовательскую и творческую деятельность как невропатолог. Его интересовали случаи истерического паралича, заикания, фобии и другие случаи сбоя в организме и поведении, которые невозможно было объяснить чисто физиологическими причинами. Наблюдая за больными, анализируя поведение людей после гипноза, Фрейд приходит к выводу, что в основе истерии и других психогенных заболеваний лежат психические образования, не доходящие до сознания больного. Это страхи, обиды, потрясения, которые как бы намеренно забыты человеком, потому что сознание их стыдится или боится. Будучи забыты, они вызывают болезненные симптомы. Обнаружив это, Фрейд вместе с другим врачом Брейером в 1890—1897 гг. создает катартический метод лечения истерии. Катарсис — это очищение, разрядка, обновление внутреннего мира. Согласно этому методу врач должен снять амнезию, вернуть больному память о забытом травматическом событии, и само освобождение от страшного и стыдного, давившего изнутри, принесет излечение. Вмешательство врача прерывает «бегство в болезнь», позволяет человеку осознать то, от чего он в ужасе отворачивался. Болезненные симптомы (параличи, заикания) снимаются, и человек выздоравливает, хотя ценой этого оказывается осознание: встреча лицом к лицу с собственным несовершенством, страхом или проблемой.

Широко известны труды Фрейда: «Психопатология обыденной жизни» (М., 1910); «Толкование сновидений» (М., 1913); «Лекции по введению в психоанализ», т. 1—2 (М., 1922); «Основные психологические теории в психоанализе» (М.-П., 1923); «Очерки по психологии

сексуальности» (М.-П., б/г); «Остроумие и его отношение к бессознательному» (М., 1925) и др.

В 1897—1920 годах Фрейд создает оригинальное учение о роли бессознательного в жизни людей. Борьба сознания и бессознательного с его точки зрения — постоянная закономерность психической реальности. Образование бессознательного идет с младенчества, оно образуется путем вытеснения из ясных пластов психики тех комплексов переживаний, которые неприемлемы для человека. По Фрейду, это прежде всего переживания сексуального характера. Психика младенца руководствуется «принципом удовольствия». Для него «все дозволено», а удовлетворение желаний происходит галлюцинозным (всякое представление — уже реальность). Однако, с ростом ребенка и развитием его психической жизни возникает необходимость следовать «принципу реальности». То, что соответствует реальности и требованиям сознания — принимается, то, что не соответствует — вытесняется в систему бессознательного. Вытесненные страхи и запретные желания никогда не умирают и не теряют своей силы.

Поскольку запретные влечения и страхи вытеснены в бессознательное, но обладают огромной энергией, они все время стремятся выбраться «наружу», проникнуть в сознание, и ищут для этого окольные пути. Отдушиной для вытесненных влечений оказываются: 1) невротические симптомы; 2) символы разного рода, являющиеся человеку по преимуществу в снах и грезах; 3) описки и оговорки.

Метод психоанализа предполагает скрупулезный и внимательный анализ снов, описок, оговорок. Он пользуется также методикой «свободных ассоциаций». Терапевт ведет с пациентом беседу таким образом, чтобы тот проговаривал все, что ему приходит в голову. Из этого «всего» и вылавливаются замаскированные своей случайностью и незначительностью символы бессознательного, которые затем должны быть истолкованы психоаналитиком. В ходе работы с больными Фрейд открыл ряд защитных механизмов сознания от «атак» бессознательных содержаний. Их ярким примером является проекция (перенос, трансфер). При проекции мы бессознательно переносим собственные запретные влечения и неодобряемые качества вовне — на других людей, приписывая им то, чего стыдимся в себе (зависть, гнев и т.д.) Другой защитный механизм — рационализация. При рационализации человек сознательно приписывает своим поступкам совсем не те причины, которые породили их на самом деле, а те, которые удовлетворяют требованиям сознания.

Одной из ведущих идей З. Фрейда выступает идея доминирования в человеческой жизни либидо — полового влечения. Фрейд считает важнейшими инстинктами инстинкт самосохранения и продолжения рода, однако свое внимание он сосредоточивает именно на половом инстинкте, который, как он полагает, присущ человеку от рождения. С гипертрофией темы либидо связана фрейдовская концепция «Эдипова комплекса», впоследствии отвергнутая практически всеми продолжателями и интерпретаторами психоанализа. По Фрейду, ребенок испытывает травму

рождения, переходя от единства с материнским организмом к самостоятельному существованию, и он хочет вернуться обратно ко внутриутробной гармонии. Именно мать оказывается первым объектом эротического влечения, подчинения «принципу удовольствия». Отец является преградой для инцестуозного единения ребенка с матерью, он отрывает его от матери и требует самостоятельности, поэтому у ребенка существует на бессознательном уровне желание убить отца. Так и поступили, по Фрейду, древние сыновья. Убив отца, они раскаялись в содеянном, испытали страх и стыд, и теперь в каждом человеке — в каждом мужчине — есть «Эдипов комплекс» — восхищение отцом, смешанное с ненавистью и желанием его смерти, а также сопровождающие это желание страх и стыд. Фрейд считает, что многие поступки людей на самом деле движимы «Эдиповым комплексом», который скрыт от сознания.

В 1920—1939 годах Фрейд создает новое представление о соотношении фундаментальных влечений человека. Он говорит о сексуальном влечении Эросе и влечении к смерти Танатосе. Эроса глубоко конструктивен. Соответственно, Танатос является фундаментальной деструктивной силой, ведущей к разрушению, убийству и самоубийству. Оба инстинкта — созидание и распад — пронизывают всего человека, каждую его клетку.

В этот период Фрейд строит свое представление о структуре внутреннего мира, которая составляет следующую триаду:

1. Оно — сфера бессознательного, где буйствуют вытесненные влечения и страхи. Оно подчиняется принципу удовольствия;

2. Я (Эго) — разумная и рассудительная часть внутреннего мира, подчиняющаяся принципу реальности;

3. Сверх-Я (Супер-Эго) — бессознательная инстанция морального контроля, содержащая культурные требования и ограничения влечений. Это — внутренний цензор. Сверх-Я образуется по Фрейду за счет идентификации с отцом, который выступает не только как соперник, но и как авторитет. Сверх-Я перехватывает агрессивные стремления людей и направляет их внутрь, преображаясь в совесть, которая терзает человека упреками за его несоответствие требованиям авторитета. Чем больше человек отказывается от реализации своих желаний, тем больше его страдания, так как от Сверх-Я ничего нельзя скрыть. Поэтому, чем добродетельней человек, тем суровее и подозрительней делается совесть.

Разумная и рассудительная часть нашей личности — Я — оказывается «несчастливым Я», так как оно находится «между молотом и наковальней»: с одной стороны на него давят запретные влечения, а с другой — его терзает представляющая Сверх-Я совесть. Фрейд считал, что обнаружение им «несчастливого Я» — мощнейший удар, который когда-либо был нанесен по человеческой самовлюбленности. Первый удар нанес Коперник, показавший, что Земля — не центр вселенной. Вторым ударом нанес Дарвин, объяснивший, что человек — потомок высших приматов. Фрейду же принадлежит прерогатива развенчания рационалистических иллюзий, ибо,

как показывает психоанализ, сознательное Я — не хозяин даже в собственном доме.

Фрейд рассматривает культуру как репрессивный механизм. Сверх-Я с его жесткими ограничениями — результат культурного процесса, тех новых ограничений в сфере влечений, которые порождаются спецификой человеческого общежития. Люди становятся невротиками в результате прессинга культурных и моральных норм. Однако, порождая ограничения, культура создает возможности трансформации запретных влечений, которые Фрейд именуется сублимацией. Сублимация — это возвышение, «возгонка», облачение отвергнутых культурой желаний в приемлемую, социально-одобряемую форму. Такими видами сублимации являются по Фрейду религия и искусство. С его точки зрения художественные произведения, начиная от древней мифологии — не что иное, как сублимация Эдипова комплекса. Искусство, таким образом — вид терапии, освобождение от внутренних противоречий. Религия же — это «общечеловеческий невроз навязчивости». Древние сыновья, убив отца и убоявшись, поставили на его место тотем, которому стали поклоняться. Так возникает фигура Бога. В Боге человек ищет защиты, как ищет ее в отце: он одновременно поклоняется ему и боится его.

Фрейдовское понимание культуры может быть названо пансексуализмом, и большинство последователей Фрейда отвергли его как упрощенное понимание сложных многогранных культурных процессов.

Необходимо отметить, что Фрейд считал себя материалистом и желал сделать психоанализ поистине научным методом. Пафос его учения — рационалистический. Фрейд полагал, что все тайны бессознательного могут быть при помощи психоанализа прояснены, а все невротики излечены. Его лозунг: «Там, где было Оно, должно стать Я!» С точки зрения Фрейда разум способен возобладать, несмотря на мощь и силу влечений.

Наряду с Ньютоном и Эйнштейном, Фрейд считал себя великим ученым современности.

В работе «Будущее одной иллюзии» (1927) он писал «Подобно тому, как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, точно так же нельзя обойтись без господства меньшинства над массой, ибо массы инертны и неразумны, они не любят отказываться от влечений, их нельзя убедить с помощью аргументов в неизбежности этого, а их индивиды поддерживают друг друга в свободном проявлении распущенности. Только благодаря влиянию образцовых индивидов, которых они признают своими вождями, их можно подвигнуть на трудовые достижения и самоотверженность, от которых зависит прочность культуры.

Если выразить кратко, то существуют две широко распространенные особенности людей, повинные в том, что культурные институты могут быть сохранены лишь благодаря известной степени принуждения, а именно: во-первых, сами по себе люди не любят работать и, во-вторых, аргументы бессильны против их страстей...»

Комментарий: Итак, толпой должны управлять добродетельные герои, которые знают, как железной метлой загнать ее в социализм, национализм, к счастью, асоциальные элементы можно уничтожить, хотя бы и в газовых камерах.

У Ницше объявляется война героев с толпой.

Примечания:

1. Фрейд еще в 1884 году писал своей невесте, что он для поддержания сил использует кокаин. Он предлагал его и своим пациентам.

2. Существуют свидетельства о том, что рабочий день Фрейда не превышал 4 часов.

Зигмунд Фрейд. *«Неудовлетворенность культурой»* Вопросы общества. Происхождение религии. «Фирма СТД» 2007.

Стр. 217: «...Значительную долю вины за наши беды несет наша так называемая культура; мы были бы намного счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытным условиям».

Стр. 222: «С давних времен он (человек) сформировал представление о всемогуществе и всезнании, которое воплотил в своих богах. Им он приписывал все, что казалось недостижимым для его желаний или что ему было запрещено. Стало быть, можно сказать, что эти боги были идеалами культуры. Теперь он очень приблизился к достижению этого идеала, сам стал чуть ли не богом... Не полностью, в чем-то вообще не им стал, в чем-то еще только наполовину. Человек – это, так сказать, своего рода бог на протезах...»

2. Карл Густав Юнг

Юнг Карл Густав (1875—1961) — основатель аналитической психологии, развил собственное представление о бессознательном, не совпадающее с идеями Фрейда (На 19 лет моложе Фрейда). Он пришел к своим взглядам самостоятельно, его знакомство и дружба с Фрейдом начались в 1907 году, когда взгляды Юнга — практикующего психиатра — уже достаточно сложились, а уже в 1913 году между ними последовал разрыв по причине расхождений в вопросе о сексуальности.

Особенностью всего творчества Юнга является его глубокий, всю жизнь продолжающийся интерес к оккультным наукам, стремление связать психологию и алхимию, теоретически истолковать те загадочные мистические явления, которые были не чужды самому Юнгу: с детства его посещали странные символические сны, он чувствовал глубокую двойственность своего «я», ощущал таящиеся за дневным отчетливым сознанием головокружительные глубины бессознательного.

Важнейшими работами Юнга являются «Психологические типы» (1921), «Отношение между я и бессознательным» (1928), «Проблемы души в наше время» (1931), «Психология и алхимия» (1944), «Символика духа» (1948) и др.

Формируя собственный оригинальный подход к пониманию бессознательного, Юнг выступил против фрейдовского натурализма, сведения сложнейших явлений культуры и сознания к физиологическим

влечениям. Тем более не устраивал его пан-сексуализм. Юнг считает, что существует множество человеческих проявлений, которые невозможно вывести из либидо. Собственно, ссора между Фрейдом и Юнгом произошла именно на почве толкования сновидений. Сон, содержащий инцест, был прямо истолкован Фрейдом как проявление инфантильной сексуальности и Эдипова комплекса, в то время как Юнг настаивал на следующем понимании: бессознательное постоянно рождает сознание, инцест — это символ погружения духа в бессознательное, а мать — символ этого бессознательного.

В отличие от Фрейда, который имел дело в основном с «личным» бессознательным, Юнг натолкнулся по его словам на наличие внеперсонального, родового или коллективного слоя бессознательного, когда в ходе своей психиатрической практики обнаружил идентичные тексты или видения в поэтических произведениях, в бреде сумасшедших, ритуалах шаманов, в глубоких снах. Это навело на мысль, что ниже уровня личного бессознательного лежат древние, более архаичные формы психики, образовавшиеся в незапамятные времена формирования человеческого сознания.

Родовое бессознательное состоит из совокупности архетипов (прообразов) — древних способов понимания и переживания мира. Архетип — это система установок и реакций на мир древних людей в те времена, когда мир открывался им совершенно другим образом, чем нам сейчас, открывался жутким, пугающим кошмаром окружающего леса, диких зверей, грозных явлений природы, и люди были вынуждены вжиться в этот мир, приспособиться, как-то объяснить и интерпретировать (истолковать смысл) его. Сознание направляет человеческую волю, а архетип направляет инстинкты. Инстинкты являются автоматическими действиями, а архетипы — условиями возможности таких действий. В них накопился опыт, действия бесконечного числа предков, попадавших в схожие ситуации.

Архетип достигает сознания только опосредованно с помощью символов. Коллективное бессознательное при нормальных условиях не поддается осознанию, никакая аналитическая техника не может его вспомнить, ведь оно в отличие от личного бессознательного никогда не было вытеснено или забыто. В то же время оно не существует в форме врожденных структур психики, передающихся по наследству. Это не врожденные представления, а врожденные возможности представления.

Архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи. Юнг различал два типа мышления: логическое, словесное, обслуживающее наши повседневные нужды; другое — мифологическое, которое преобладало в древности, а теперь существует у примитивных народов и детей, а проявляется во сне.

По Юнгу, для сознательного и бессознательного характерны единство, а не борьба. Глубинные пласты внутреннего мира несут функцию смыслообразования, коллективное бессознательное выражает себя в сакральном (священном), а это — не болезнь и не невроз.

Юнг не согласен с фрейдовской редукцией сегодняшнего состояния человека исключительно к впечатлениям далекого детства. Бессознательное не только говорит нам о прошлом, оно способно повествовать и о будущем. Так, самого Юнга в 1912 году посещали страшные образы надвигающейся катастрофы, ужасного побоища, он видел горы, залитые кровью. Вскоре разразилась первая мировая война. Целый ряд подобных фактов позволил Юнгу сделать вывод о предсказательной силе бессознательного.

Наконец, в отличие от Фрейда Юнг считает невозможным вести психоанализ по одной предзаданной схеме. При таком механическом варианте личность больного теряется и все сводится к вопросу, кто доминирует в истолковании, пациент или аналитик? Вместо сотрудничества идет борьба волею. Чтобы анализ был успешен, и пациент, и терапевт должны принадлежать к одному психологическому типу. Таких основных типов Юнг называет два: интроверты и экстраверты. Интроверт — личность погруженная в глубины своего внутреннего мира, действующая, в первую очередь, по своей внутренней логике» воздействие извне она расценивает как давление и вторжение. Экстраверт, напротив, тот, кто активно выражает себя в коммуникации, он энергичен и ориентирован на других. Пациенту-интроверту нужен аналитик-интроверт, и наоборот, тогда они поймут друг друга. Юнг придает огромное значение самопониманию пациента: в конце концов, мой сон — это мой сон, и только я могу придать ему верный смысл!

Юнг сравнивает коллективное бессознательное с симпатической нервной системой (регулирующей деятельность внутренних органов), которая, не имея специальных органов, сохраняет жизненное равновесие. Это начало, не содержащее обособленных «я». Бессознательное есть то, что Библия называет «сердцем» и что содержит в себе не только хорошее, но и дурное. Архетипы могут быть рассмотрены как «автопортреты инстинктов», это прототипы конкретных образов. Так, например, восприятие настоящих отца и матери укоренено в архетипических пра-фор-мах «Великой Матери» и «Великого Отца».

Архетипы приходят к человеку через сны, образы, мифы, художественные произведения, они выражают себя через психические реакции и отклонения в поведении. Юнг описывает несколько выявленных им основных архетипов.

Анима и Анимус представляют собой соответственно архетип женственности и мужественности. Женщина обладает не только собственным женским началом, но и Анимусом, а мужчина — Анимой. Анима — природный женский архетип, что-то вроде эльфического духа, это выражение жизни, в которой есть и благо, и зло жизни, которая дана и богине, и ведьме. Анима получает персонификацию в принципе Эроса и символически представлена галереей женских фигур от святой до проститутки. Доминирование в мужчине Анимы, представляющей собой эмоциональное начало, выражается в его женоподобном поведении, неспособности принимать самостоятельные решения. Однако хорошо,

гармонично развитая Анима позволяет мужчине успешно соотноситься с глубинными слоями собственной психики.

Анимус — это мужской архетип во внутреннем мире женщины. Он персонифицируется в Логосе, это способность к рациональному мышлению, рефлексии. Идентификация с Анимусом вызывает в женщине мужеподобное поведение, делает ее активной, агрессивной и самоуверенной, стремящейся к власти. В то же время хорошо развитый Анимус позволяет женщине действовать разумно и целенаправленно.

Юнг выделяет такие архетипы, как Персона и Тень. Персона — это совокупность наших социальных ролей, те маски, которые мы носим, не будучи тождественны им. Тень — это «низший человек в нас»: наши страхи, инфантильные желания, сексуальные комплексы, агрессивные влечения. Обычно Тень проецируется на других, потому что человек не хочет признавать за собой неодобряемых им самим и культурой качеств. Встречу с собственной Тенью трудно выдержать, однако опыт показывает, что устранить ее невозможно. Просто подавить ее никак не удастся. Чтобы устранить невроз, страдание, связанное с Тенью, ее надо научиться принимать и сосуществовать с ней. Обнаружение и признание собственной Тени позволяет прекратить ее проецирование на других — приписывание им собственных негативных качеств.

Важнейшим архетипом по Юнгу является Самость. Это психологический образ Бога, центр тотальной, беспредельной личности, это целостность человека как индивидуальности. К Самости ведет процесс индивидуации. Индивидуация — интеграция коллективного бессознательного в отдельной личности. В ходе индивидуации человек излечивается от невроза, разрешает свои внутренние противоречия и проблемы. Юнговская терапия основывалась на объективации образов бессознательного и вступлении в диалог с ними, пробуждение религиозного и мифологического сознания должно привести к восстановлению утраченных моментов личности, помочь в достижении целостности внутреннего мира. Однако, путь этот долг, он практически бесконечен, поэтому символом индивидуации является квадрат, заключенный в круг.

Архетипы, согласно Юнгу, по природе своей таинственны, они не охватываются разумом, потому способ их существования — сакральные символы, хранителями которых выступают религия и эзотерические учения. Юнг говорит об архетипах как о «нуминозных» — «священных», однако за вычетом моральных и рациональных аспектов. Архетипы обладают колоссальной энергией, это энергия безличного, которая может стать огромной разрушительной силой. Природность архетипов, заряженность их эмоциями делает их опасными, и люди всегда относятся к архетипам с трепетом, выражая их в величественных и грозных образах. Именно присутствие в архетипах гигантской природной силы заставляло человечество на протяжении всей его истории укреплять сознание. Догматические символы религий сложились таким образом, что они и приоткрывают архетип, и скрывают его, защищая человека от вулканических

сил бессознательного. Символы проецируют архетипы вовне, как бы ослабляя их мощь. Юнг отвергает мистику, бросающую человека в хаотическую бездну бессознательного, и высоко ценит религиозную символику, которая не придумывается рациональным умом, а спонтанно возникает, вырастает в лоне культуры.

Говоря о современности, Юнг подчеркивает, что наше время — время «символической нищеты». Возобладавший в Европе рационализм открыл двери «психической преисподней», ибо сакральные символы оказались разрушены. Массовый отход от религии привел к «расколдовыванию мира», материя физиков — это не «Материя — Великая Мать», образ, насыщенный эмоциями, а интеллект — не Дух-Отец Всего. В реке не живет русалка, змея не воплощает мудрость... Однако, забытые сакральные символы представляли нам архетипы. Лишившись этой представленности, архетипы оказались загнаны внутрь человеческой души. Они приходят к нам в снах, но язык снов для современного человека также не понятен. Таким образом, внешняя интеллектуальность связана с внутренней первобытностью. Архетипы наступают на человека изнутри, и ничто не хранит нас от их могучей силы.

Потеряв собственную священную символику, европейцы кинулись на Восток в тщетной надежде найти там новых богов. Однако, считает Юнг, этот путь порочен. Мы не можем принять культуру Востока и чужие символы, получаются только эрзацы, театральность, подражательство. Необходимо осознать «ничто», находящееся перед нами, и вернуться к традициям собственной культуры.

Впрочем, так или иначе, но у нынешних людей нет больше форм для культурных проекций бессознательного. Если процесс «расколдовывания мира» продолжится, то все божественное и демоническое вернется в человеческую душу. Но запертое внутри бессознательное делается революционным, оно неизбежно выплескивается наружу в виде войн, бунтов, революций, в виде актов насилия.

Одним из интересных философско-психологических открытий Юнга было обнаружение им явления синхроничности. Оно означало некаузальное совпадение во времени душевных явлений и объективных событий. Между неким переживанием и событием не обнаруживалось никакой видимой причинной связи, и тем не менее они оказывались связаны. Так, например, Юнга интересовали видения Сведенборга, который ясно-видчески описывал события, действительно происходящие, как потом выяснялось, на отдаленном расстоянии. Юнг высказал по этому поводу предположение, что для бессознательного пространство и время относительны, они составляют некий континуум, к которому бессознательное имеет непосредственный доступ. Впоследствии явление синхроничности было подтверждено в опытах Станислава Грофа, занимающегося измененными состояниями сознания.

Карл Густав Юнг о душе

О его отношении к существованию души говорят названия некоторых написанных им книг: «Душа и миф», «Об энергетике души», «Проблемы души нашего времени» и другие.

Главным, что видит Юнг в существовании души, является грань, разделяющая человека и животное: «Посему мы должны напомнить себе, по словам Августина, что не созданы по образу Божьему ни в чём, кроме нашего разума: «но где человек замечает, что создан по образу Бога, там он видит в себе нечто большее, чем дадено скоту»²⁵. Юнг считал, что: «На протяжении XVIII века выросла печально известная пропасть между верой и знанием. Вере недоставало опытного подтверждения, науке же недоставало души. В самом деле, наука истово верила в абсолютную объективность, неизменно упуская из виду фундаментальное затруднение, состоящее в том, что подлинной прародительницей и распространительницей всякого знания является *психе*, а именно о ней учёные знали меньше всего. На неё смотрели как на симптом химических реакций, эпифеномен биологических процессов, протекающих в клетках мозга; фактически она какое-то время не существовала для науки. Лишь совсем недавно им пришлось внести в свои расчёты объективную реальность этого психического фактора. Весьма многозначителен тот факт, что именно физика микромира столкнулась с психе самым неожиданным, почти осязаемым образом»²⁶.

Издатель книг Юнга Энтони Стор пишет: «Юнг пришел к мысли, что исследование материи, которое проводит физик, и исследование разума, которое проводит психолог, это на само деле, разные способы рассмотрения одной и той же реальности. Возможно, деление на разум и тело – искусственное, может быть это разные стороны одной и той же реальности, воспринимаемые через разные системы отсчёта... В том, какое значение он придавал духовным составляющим личности, Юнг противоречит Фрейдю, который делал упор на биологическую сущность человека»²⁷.

Изучая психику, Юнг приходит к очень неординарным выводам: «Неправильно было бы думать, как полагают многие, что сознание – это то же самое, что вся наша личность. Тесты показывают, что личность однозначно больше сознания»²⁸. Он даёт ответ на вопрос, а что же находится за пределами сознания человека? Ими являются личное и коллективное бессознательное. «Отличительная черта коллективного бессознательного – это его наследственное происхождение, в отличие от личного бессознательного, которое формируется на основе личного опыта». «Идея о том, что «человеческие качества» не передаются по наследству, а заново формируются у каждого ребёнка, так же нелепа, как первобытное представление о том, что солнце, восходящее утром, это не то же самое солнце, что зашло предыдущим вечером, а другое». Юнг считал: «Любой, кто действительно знает человеческую психе, согласится со мной, если я скажу, что она является одной из темнейших и самых таинственных областей нашего жизненного опыта». В своих выступлениях Юнг часто упоминал о Боге, когда его спросили: «Верите ли вы в Бога?», он ответил: «Мне не нужно верить в Бога; я знаю». В то же время Юнг предупреждает о

необходимости строго соблюдать грань между наукой и метафизикой. Он пишет, что: «Психология как наука о душе должна посвятить себя этому предмету и остерегаться переступить свои пределы метафизическими утверждениями или другими исповеданиями веры. Начни она утверждать Бога даже как гипотетическое начало, она неминуемо потребует возможности доказательства Бога, превосходя этим свою компетенцию. Наука может быть только наукой; не существует научных исповеданий веры...»²⁸.

Юнг попытался дать свою концепцию сущности души. Он пишет: «Мне хотелось бы отметить, что мы должны некоторым образом различать три ступени души: 1) сознание; 2) личное *бессознательное*, состоящее прежде всего из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и поэтому оказались забытыми..; 3) коллективное *бессознательное*, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой и даже общеживотной и представляющее собой фундамент индивидуальной психики»²⁹.

«Будучи наивысшей ценностью и верховной доминантой в психической иерархии, образ Бога непосредственно соотносится с самостью или даже идентичен ей, и всё происходящее с образом Бога непосредственно воздействует на неё. Любая неуверенность по поводу образа Бога причиняет самости глубокое беспокойство, и по этой причине указанный вопрос, будучи весьма болезненным, обычно игнорируется. Однако отсюда вовсе не следует, что он не задаётся в бессознательном. Более того на него отвечают такие взгляды и верования, как материализм, атеизм и тому подобные субституты, распространяющиеся со скоростью эпидемии. Они пожинают плоды всегда и везде, где и когда человек тщетно дожидается подлинного ответа. Эрзац-продукт вытесняет действительный вопрос в бессознательное, тем самым нарушая непрерывность исторической традиции, являющуюся отличительным знаком цивилизации. Результатом является сумятица и путаница в умах. Христианство настаивало на доброте Бога в его качестве любящего Отца и сделало всё возможное, чтобы лишить зло субстанциональности. Раннехристианское пророчество относительно Антихриста и определённая часть идей поздней иудейской теологии должны были бы подсказать нам, что христианское решение проблемы, упускает из виду побочное следствие, зловещую реальность коего наглядно демонстрирует сейчас расколовшийся мир, в котором мы живём: *за разрушением образа Бога следует уничтожение человеческой личности*. Материалистический атеизм с его утопическими химерами составляет религию всех рационалистических движений, делегирующих свободу личности массам и, тем самым, упраздняющих её. Сторонники христианства, со своей стороны, растрачивают энергию на простое сохранение полученного ими по наследству, даже не думая о том, чтобы соорудить пристройку к своему дому и сделать его просторнее. Стагнация в таких вопросах в долгосрочной перспективе грозит летальным исходом».

«Христос как человек соответствует эго, а как Бог самости» (Стр. 134).

Юнг пишет, что после XVI столетия: «...Духовное и моральное развитие человека пошло по направлению, всё очевиднее становившемся антихристианским, и в результате мы сегодня оказались перед лицом кризиса западной цивилизации, исход которого представляется крайне сомнительным». (Стр. 200.) Бессознательное у Юнга и Фрейда это самые таинственные уголки человеческой психики, открытые ими, только Фрейд наполнил свой животными или (языческими) инстинктами (сексуальность – «эдипов комплекс» и агрессия, а Юнг отвел в своем месте душе и Богу)

3. К. Г. Юнг и З. Фрейд

Главным образом меня заинтересовал так называемый "механизм вытеснения", заимствованный Фрейдом из психологии неврозов и используемый им в толковании сновидений. Иначе было с тем, что же именно "вытеснялось", здесь я не соглашался с Фрейдом. Он видел причины вытеснения только в сексуальных травмах. Однако в моей практике я нередко наблюдал неврозы, в которых вопросы секса играли далеко не главную роль, а на передний план выдвигались совсем другие факторы: Впоследствии я не раз приводил Фрейду в пример подобные случаи, но он предпочитал не замечать никаких иных причин, кроме сексуальных. Я же был в корне не согласен с этим.

Наша первая встреча состоялась в Вене, в феврале 1907 года. Мы начали беседу в час пополудни и проговорили практически без перерыва тринадцать часов. Фрейд был первым действительно выдающимся человеком, встретившимся мне. Никого из моих тогдашних знакомых я не мог сравнить с ним. Это был необыкновенно умный, проницательный и во всех отношениях замечательный человек. И тем не менее мое первое впечатление от него было довольно расплывчатым, что-то от меня ускользало.

Я видел, что его сексуальная теория чрезвычайно важна для него и в личном, и в общепсихологическом смысле. Более всего меня настораживало отношение Фрейда к духовным проблемам. Там, где находила свое выражение духовность - будь то человек или произведение искусства - Фрейд видел подавленную сексуальность. А для того, что нельзя было объяснить собственно сексуальностью, он придумал термин "психосексуальность". Я пытался возражать ему, что если эту гипотезу довести до логического конца, то вся человеческая культура окажется не более чем фарсом, патологическим результатом подавленной сексуальности. "Да, соглашался он, - именно так, это какое-то роковое проклятие, против которого мы бессильны".

Фрейд необычайно близко к сердцу принимал все, что касалось его сексуальной теории. Когда речь заходила о ней, тон его, обычно довольно скептический, становился вдруг нервным и жестким, а на лице появлялось странное, взволнованное выражение. Я поначалу не мог понять, в чем же причина этого. Но у меня возникло предположение, что сексуальность для

него была своего рода *numinosum* (божественное. - лат.). Это впечатление подтвердилось позже при нашей встрече в Вене спустя три года (в 1910 году).

Я до сих пор помню, как Фрейд сказал мне: "Мой дорогой Юнг, обещайте мне, что вы никогда не откажетесь от сексуальной теории. Это превыше всего. Понимаете, мы должны сделать из нее догму, неприступный бастион". Скрывая удивление, я спросил его: "Бастион - против кого?" - "Против потока черной грязи, - на мгновение Фрейд запнулся и добавил, - оккультизма". Я был не на шутку встревожен - эти слова "бастион" и "догма", ведь догма неоспоримое знание, такое, которое устанавливается раз и навсегда и не допускает сомнений. Но о какой науке тогда может идти речь, ведь это не более чем личный диктат.

Фрейд, который всегда так высоко ценил толерантность, свободу от догматизма, теперь создал свою догму. Более того, на место утраченного им грозного бога он поставил другой кумир - сексуальность.

Суть его теории состояла в том - как мне, во всяком случае, казалось, - что сексуальность содержит в себе духовную силу или имеет тот же смысл.

Фрейд никогда не задавался вопросом, почему ему постоянно хочется говорить именно о сексе, почему в мыслях он все время возвращается к одному и тому же предмету. Он так и не понял, что подобная однообразность толкования означает бегство от самого себя или, может быть, от иной, возможно мистической, стороны своего "я".

Если бы Фрейду хоть раз пришло в голову представить себе, что сексуальность - и Бог и дьявол в одном лице, что с точки зрения психологии это не вызывает сомнения, он не смог бы ограничиться узкими рамками биологической концепции.

И как-то за столом, когда опять заговорили о трупах, Фрейд упал в обморок. Я был свидетелем еще одного его обморока в подобной ситуации. Это случилось на съезде психоаналитиков в Мюнхене в 1912 году.

Ни Фрейд, ни его ученики не поняли, к сожалению, что означает для теории и практики психоанализа тот факт, что сам учитель не сумел справиться с собственным неврозом.

Открывая некие подступы к бессознательному, Фрейд тем самым дал нашей цивилизации новый толчок. Называя сновидения наиболее важным источником информации о бессознательных процессах, он вернул людям и науке инструмент, утерянный, казалось, безвозвратно. Он опытным путем продемонстрировал реальность бессознательной части души, существовавшей до этого лишь как философский постулат, главным образом у К. Г. Каруса и Э. фон Гартмана.

В заключение хочу отметить, что современная культура с ее бесконечной рефлексией еще не готова к восприятию идеи бессознательного и всего, что из нее следует, хотя уже почти полвека живет с ней бок о бок. Тот универсальный и основополагающий факт, что психика по сути двуполярна, еще ждет своего признания.

4. Альфред Адлер

Альфред Адлер (1870-1937) - австрийский психолог и психиатр, создатель так называемой «индивидуальной психологии».

Его главные работы: «Очерки по индивидуальной психологии» (1923), «Наука жить» (1931) и др. Будучи практикующим врачом в 1902 году примкнул к кружку Фрейда. Постепенно Адлер выработал собственную концепцию психической болезни, в основе которой лежала идея компенсации чувства неполноценности. Согласно этой концепции, психическая болезнь есть результат неосознанного стремления к превосходству, разжигаемого чувством неполноценности, связанным с какой-либо телесной слабостью или недостатком. Адлер подверг критике учение Фрейда за преувеличение роли сексуальности и бессознательного в поведении людей. В противовес он акцентировал внимание на социальных факторах, подчеркивая социальную направленность стремлений, как основу человеческого характера. Характер человека вырастает из его «жизненного стиля». Последний представляет собой складывающуюся в детстве систему целенаправленных стремлений, в которых реализуется потребность в превосходстве, самоутверждении и которые выступают компенсацией чувства неполноценности. Так у древнегреческого оратора Демосфена был дефект речи, а знаменитые полководцы Наполеон и Суворов были маленького роста. Идеи Адлера способствовали модификации фрейдизма, приведшую к возникновению «неофрейдизма».

Согласно Адлеру человеческая психология не может быть сведена к физиологическим или биологическим причинам. Эта установка и определила несогласие Адлера с теорией сексуальности Фрейда, его концепцией либидо (страсть, половое влечение), сводившими психические процессы к биологическим первоосновам.

По мнению Адлера объяснение психических процессов и поведения индивида требует прежде всего выяснения его цели, или целевой установки. (Согласно Адлеру нацеленность Фрейда на сексуальность свидетельствует о его неполноценности, возможно, в данной сфере). Целевая установка, часто не осознаваемая самим индивидом, определяет «линию жизни» индивида, его жизненный план. Адлер отказался от причинного объяснения и поставил на его место телеологический (учение о цели или целесообразности) подход.

Основной целью каждого индивида Адлер считал стремление к власти и превосходству. Кроме этого у него имеется «чувство общности»: его телесность требует от него единения; язык, мораль, эстетика и разум стремятся к общепринятости, предполагают ее; любовь, работа, человеческая сопричастность являются реальными требованиями совместной человеческой жизни. Чувство общности и стремление к превосходству являются основными факторами человеческого поведения: первое становится его ограничивающим (стабилизирующим) принципом, второе – направляющим (активирующим).

Стремление к превосходству имеет как отрицательные, так и положительные последствия. С одной стороны оно может вести к

антисоциальному поведению, а с другой превращаться в источник высоких культурных достижений, мощный фактор культурного, научного, спортивного прогресса.

Адлером выработана система взглядов на роль воспитания в процессе становления личности. Приведем главные выводы:

1. Человек – социальное существо, для которого важно чувство принадлежности к определенной группе людей.

2. Социальные интересы людей – основной мотив их деятельности.

3. Поведение человека всегда имеет определенную цель. Чтобы понять поведение человека и смысл его деятельности, надо знать преследуемые им цели.

4. Каждый индивидуум сам создает свой образ жизни, стиль жизни, являющиеся сгустком установок, целей и верований, с помощью которых человек старается найти свое место в жизни и достичь своих целей как личность.

5. Принцип равенства, провозглашаемый обществом, требует равного отношения ко всем членам общества.

6. Сотрудничество между членами семьи невозможно без чувства ответственности, свобода тесно связана с ответственностью.

7. Человек ведет себя в соответствии со своими ожиданиями и формирует свое понимание места в семье, согласно естественным и логическим результатам, связанным с этими ожиданиями.

Адлер считал, что семейная атмосфера, установки, ценности и взаимоотношения в семье являются первостепенными факторами в развитии личности. Дети учатся нормам общежития в семье и воспринимают культуру через своих родителей. Семья – первичная группа, в которой ребенок формирует идеалы и цели своей личной системы ценностей и в которой он, как человек, учится жить. (Фрейд осколотинивал человека, а Адлер ставил его на подобающее человеку место).

5. Экзистенциальный психоанализ Э.Фромма.

Эрих Фромм (1900—1980) считал, что в основе психического уже сложно найти собственно биологическое основание. Решающее значение для формирования психического как так называемого социального характера имеют социальные связи и отношения («Человек сам по себе» — 1947). Это экзистенциальные дихотомии, или противоположности: человек является частью природы, законы которой он не может изменить, но в то же время он создает свой человеческий культурный мир, противоположный природе; человек конечен и смертен, но он утверждает вечные ценности; человек одинок и уникален, но стремится найти общее с другими людьми; человек чужд этому миру, но стремится к гармонии с ним. Человек стремится к свободе, но при этом часто бывает так, что он стремится и избежать всего того, что со свободой связано («Бегство от свободы» — 1941). Каждый выбирает из этих положений, стремясь сделать этот выбор осмысленным: как, например, сгоревший на костре за свои убеждения Джордано Бруно или согласившийся изменить свои взгляды ради того, чтобы выжить, Галилео

Галилей («Иметь или быть» — 1976). Так появляются понятия свободы, истины, справедливости, но именно в силу необходимости выбирать появляются и негативные ответы — ненависть, зло, жестокость, агрессия и т. п. Они не биологичны, не природны — они укоренены в человеческом характере. Поэтому создается видимость автоматизма.

Вот как оценивает ситуацию в психической жизни современного человека Эрих Фромм: *«Человек – единственное живое существо, которое наделено не только предметным мышлением, но и разумом, т.е. способностью направить свой рассудок на объективное понимание, на осознание сущности вещей самих по себе, а не только как средства удовлетворения каких-то потребностей и нужд. Наделённый сознанием и самосознанием, человек научается выделять себя из среды, понимает свою изолированность от природы и других людей. Это приводит к осознанию своего неведения, своей беспомощности в мире и, наконец, к пониманию конечности своего бытия, неизбежности смерти.*

Так самосознание, рассудок и разум разрушают ту «гармонию» естественного существования, которая свойственна всем животным. Сознание делает человека каким-то аномальным явлением природы, гротеском, иронией вселенной. Он – часть природы, подчинённая её физическим законам и неспособная их изменить. Одновременно он как бы противостоит природе. Он отделён от неё, хотя и является её частью. Он связан кровными узлами и в то же время чувствует себя безродным. Зброшенный в этот мир случайно, человек вынужден жить по воле случая и против собственной воли должен покинуть этот мир. И поскольку он имеет самосознание, он видит своё бессилие и конечность своего бытия. Он никогда не бывает свободен от рефлексов. Он живет в вечном раздвоении. Он не может освободиться ни от своего тела, ни от своей способности мыслить...

Человек – единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, не в своей тарелке: ведь он чувствует себя изгнанным из рая. И это единственное живое существо, для которого собственное существование является проблемой; он должен решать её сам, и никто не может ему в этом помочь»²². Поразительные признания делает Фромм. Человеческий разум оказывается не великое благо, данное людям, а зло, ведущее к гибели. Но эти признания можно истолковывать и по-другому. Замкнутые в тесные рамки материалистического мировоззрения учёные-атеисты не в силах решить феномен человека и его дальнейшего прогресса. Зато они очень убедительно доказывают, что человек без веры – мятущееся животное, наделённое рассудком, у которого нет будущего. Атеисты не задаются вопросом, почему, верующие во Всевышнего люди обладают совершенно отличным от них мироощущением, почему они оптимистичны и жизнелюбивы? Конечно, есть суррогаты веры, насаждающие среди своих адептов отрицающие жизнь взгляды, но о них разговор особый.

У Фромма не возникает мысли, что не разум разрушает душу человека, а гордыня от чувства собственного всезнания, которое открывает

дорогу не в светлое будущее, а только приоткрывает завесу перед тёмным, затхлым и гибельным тупиком. Погнавшись за кажущейся простотой «научного объяснения мира» благодаря теории эволюции, не задумываясь о существовании необъятного и непостижимого в настоящем времени знания, человечество попало в плен довольно примитивных фокусников, назвавшихся учёными-материалистами, подготовивших ответы на все вопросы бытия. Современная наука в своей дерзости сравнилась с Сатаной, осмелившемся в упоении гордыней подвергнуть сомнению всемогущество Всевышнего. Как Сатана, в сопровождении полчищ демонов, был низвергнут с небес на землю, так и материалистическая наука вместе с атеистическими последователями низвергнута из мира духовного единения с Абсолютом в атавистические потемки животной природы и самые низменные инстинкты собственной души, у которой нет даже малейшей надежды на прощение и спасение. Самым страшным преступлением, которое совершили материалисты, является разрушение веры в душах людей, без которой они лишили их надежды, любви и совести. Усевшись на пепелище, бывшем ранее светоносной человеческой душой, дьявол, в образе атеиста, рассуждает о случайности, заброшенности и никчёмности существования людей. Вот результаты победы атеизма. Пришла пора признать, что вера заключается не только в поклонении тому или иному богу, а в осознании того, что Христос принёс незыблемый нравственный закон: «Делающий грех, есть раб греха».

Литература

1. *Фрейд З.* Я и Оно: В 2 т. Тбилиси, 1991.
2. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М., 1990.
3. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
4. *Юнг К. Г.* Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
- Зигмунд Фрейд. Вопросы общества. Происхождение религии. «Фирма СТД» 2007. Стр. 141-142
5. *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону, 1998.
6. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
7. *Лакан Ж.* Семинары 1, 2. М., 1998, 1999.
8. *Кляйн М.* Развитие в психоанализе. М., 2001.
9. Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.
10. *Руткевич А. М.* От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985.
25. К.Г. Юнг. Эон. М. 2009. С. 61.
26. Е. – А. Беннет. Что на самом деле сказал Юнг. М. 2009. С. 11-12
27. Там же. С. 127
28. Карл Густав Юнг. Психология и алхимия. М. 2008. С. 22
29. К.Г. Юнг. Проблемы души нашего времени. М. 2007. С. 111

Приложение:

К. Г. Юнг и З. Фрейд

К. Юнг «Воспоминания, сны, размышления», глава «Зигмунд Фрейд»

«Прежде всего я обнаружил, что основные принципы и методы фрейдовского толкования сновидений исключительно плодотворны и способны объяснить шизофренические формы поведения. "Толкование сновидений" Фрейда я прочел еще в 1900 году. Тогда я отложил книгу в сторону, поскольку не понял ее. В 1903 году я снова взялся за "Толкование сновидений" и осознал, насколько идеи Фрейда близки моим собственным. Главным образом меня заинтересовал так называемый "механизм вытеснения", заимствованный Фрейдом из психологии неврозов и используемый им в толковании сновидений. Иначе было с тем, что же именно "вытеснялось", здесь я не соглашался с Фрейдом. Он видел причины вытеснения только в сексуальных травмах. Однако в моей практике я нередко наблюдал неврозы, в которых вопросы секса играли далеко не главную роль, а на передний план выдвигались совсем другие факторы: трудности социальной адаптации, угнетенность из-за трагических обстоятельств, понятия престижа и т. д. Впоследствии я не раз приводил Фрейду в пример подобные случаи, но он предпочитал не замечать никаких иных причин, кроме сексуальных. Я же был в корне не согласен с этим.

Поначалу я не мог четко определить, какое же место занимает Фрейд в моей жизни, и найти верный тон в отношениях с ним.

Фрейд же был, вне всякого сомнения, *persona non grata* в тогдашнем академическом мире, и всякое упоминание о нем носило скандальный характер. "Великие мира сего" говорили о нем украдкой, на конференциях о нем спорили только в кулуарах и никогда - публично. Так что совпадение моих результатов с выводами Фрейда не сулило мне ничего хорошего.

Однажды, когда я работал, не иначе как дьявол шепнул мне, что можно опубликовать результаты моих экспериментов и мои выводы, не упоминая имени Фрейда. В конце концов, я получил эти результаты задолго до того, как понял значение его теории. Но тут заговорило мое второе "я". "Если ты сделаешь вид, что не знаешь о Фрейде, это будет заведомый обман. Нельзя строить жизнь на лжи". С этого момента я открыто принял сторону Фрейда.

Впервые я выступил в его защиту на конгрессе в Мюнхене, где имя Фрейда упорно избегали даже упоминать. В 1906 году я написал статью для мюнхенского медицинского еженедельника о фрейдовской теории неврозов. После этого я получил предостерегающие письма от двух немецких профессоров. "Если Вы, - писали они, - будете продолжать заступаться за Фрейда, вряд ли Вы сможете рассчитывать на академическую карьеру". Я ответил: "Если то, что утверждает Фрейд, правда - я с ним.

Но мои результаты по-прежнему противоречили утверждениям Фрейда, что все неврозы обусловлены исключительно подавленной сексуальностью или связанными с ней эмоциональными травмами. Однако Фрейд открыл новые пути для исследований, и отрицать это, на мой взгляд,

было абсурдом. [В 1906 году между ними завязалась оживленная переписка, продолжавшаяся до 1913 года.]

Наша первая встреча состоялась в Вене, в феврале 1907 года. Мы начали беседу в час пополудни и проговорили практически без перерыва тринадцать часов. Фрейд был первым действительно выдающимся человеком, встретившимся мне. Никого из моих тогдашних знакомых я не мог сравнить с ним. Это был необыкновенно умный, проницательный и во всех отношениях замечательный человек. И тем не менее мое первое впечатление от него было довольно расплывчатым, что-то от меня ускользало.

Изложенная им сексуальная теория меня поразила. Правда, он не сумел окончательно рассеять мои сомнения. Я пытался, и не единожды, изложить ему эти сомнения, но всякий раз Фрейд не воспринимал их серьезно, считая что они вызваны отсутствием у меня необходимого опыта.

Я видел, что его сексуальная теория чрезвычайно важна для него и в личном, и в общепhilosophическом смысле.

Более всего меня настораживало отношение Фрейда к духовным проблемам. Там, где находила свое выражение духовность - будь то человек или произведение искусства - Фрейд видел подавленную сексуальность. А для того, что нельзя было объяснить собственно сексуальностью, он придумал термины "психосексуальность". Я пытался возражать ему, что если эту гипотезу довести до логического конца, то вся человеческая культура окажется не более чем фарсом, патологическим результатом подавленной сексуальности. "Да, соглашался он, - именно так, это какое-то роковое проклятие, против которого мы бессильны". Я не был готов согласиться с этим и еще менее готов был с этим смириться. Но я пока не чувствовал себя достойным оппонентом Фрейда.

Фрейд необычайно близко к сердцу принимал все, что касалось его сексуальной теории. Когда речь заходила о ней, тон его, обычно довольно скептический, становился вдруг нервным и жестким, а на лице появлялось странное, взволнованное выражение. Я поначалу не мог понять, в чем же причина этого. Но у меня возникло предположение, что сексуальность для него была своего рода *tipositas* (божественное. - лат.). Это впечатление подтвердилось позже при нашей встрече в Вене спустя три года (в 1910 году).

Я до сих пор помню, как Фрейд сказал мне: "Мой дорогой Юнг, обещайте мне, что вы никогда не откажетесь от сексуальной теории. Это превыше всего. Понимаете, мы должны сделать из нее догму, неприступный бастион". Скрывая удивление, я спросил его: "Бастион - против кого?" - "Против потока черной грязи, - на мгновение Фрейд запнулся и добавил, - оккультизма". Я был не на шутку встревожен - эти слова "бастион" и "догма", ведь догма неоспоримое знание, такое, которое устанавливается раз и навсегда и не допускает сомнений. Но о какой науке тогда может идти речь, ведь это не более чем личный диктат.

К "окультизму" Фрейд, по-видимому, относил абсолютно все, что философия, религия и возникшая уже в наши дни парапсихология знали о человеческой душе. Для меня же и сексуальная теория была таким же "окультизмом", то есть не более чем недоказанной гипотезой, как всякое умозрительное построение. Научная истина, в моем понимании, - это тоже гипотеза, которая соответствует сегодняшнему дню и которая не может остаться неизменной на все времена.

Многое еще не было доступно моему пониманию, но я отметил у Фрейда нечто похожее на вмешательство неких подсознательных религиозных факторов. По-видимому, он пытался защититься от этой подсознательной угрозы и вербовал меня в помощники.

Фрейд, который всегда так высоко ценил толерантность, свободу от догматизма, теперь создал свою догму. Более того, на место утраченного им грозного бога он поставил другой кумир - сексуальность. И этот кумир оказался не менее капризным, придирчивым, жестоким и безнравственным. "Сексуальное либидо" стало играть роль *deus absconditus*, некоего тайного бога. Переменилось только название, а с ним, соответственно, и точка зрения: теперь утраченного бога следовало искать внизу, а не наверху.

Никуда не денутся и вечные проблемы: как преодолеть страх или избавиться от совести, чувства долга, принуждения или подсознательных желаний. И раз мы не в состоянии их решить, опираясь на нечто светлое и идеальное, то, не следует ли обратиться к силам темным, биологическим?

Хотя для Фрейда сексуальность, безусловно, означала своего рода *numinosum*, тем не менее и в терминологии, и в самой теории он, казалось, описывал ее исключительно как биологическую функцию. И только волнение, с которым он говорил о сексуальности, показывало, насколько глубоко это его затрагивало. Суть его теории состояла в том - как мне, во всяком случае, казалось, - что сексуальность содержит в себе духовную силу или имеет тот же смысл. Мне подумалось, что Фрейд на самом деле двигался в направлении прямо противоположном собственной цели, действуя, таким образом, против самого себя, - а нет ничего горше, нежели сознание, что ты сам свой злейший враг. По его же словам, Фрейд постоянно испытывал ощущение, что на него вот-вот обрушится некий "поток черной грязи", - на него, который более, чем кто-либо, погружался в самые темные его глубины.

Фрейд никогда не задавался вопросом, почему ему постоянно хочется говорить именно о сексе, почему в мыслях он все время возвращается к одному и тому же предмету. Он так и не понял, что подобная однообразность толкования означает бегство от самого себя или, может быть, от иной, возможно мистической, стороны своего "я".

Сам Фрейд, в чем он признался мне, никогда не читал Ницше. Теперь же я увидел фрейдовскую психологию в культурно-исторической последовательности, как некую компенсацию ницшеанского обожествления власти.

Мое мнение таково, что эрос и влечение к власти - все равно что двойня. Эросу так же необходима власть, как власти - эрос, одна страсть влечет за собой другую.

Фрейд рассматривает человека как игрушку, которой управляют ее собственные страсти и желания, Адлер же показывает, как человек использует свою страсть для того, чтобы подчинить себе других.

Беспомощность перед неумолимым роком вынудила Ницше выдумать для себя "сверхчеловека", Фрейд же, как я понимаю, настолько подчинил себя Эросу, что считал его прочнее бронзы сделал из него догму, подобно религиозному нумену.

Фрейд на свой лад пытался превзойти церковь и канонизировать свое учение.

Если бы Фрейду хоть раз пришло в голову представить себе, что сексуальность - и Бог и дьявол в одном лице, что с точки зрения психологии это не вызывает сомнения, он не смог бы ограничиться узкими рамками биологической концепции.

Беседуя с Фрейдом, я узнал о его страхе: он боялся, что нуминозное "сияние" его теории может померкнуть, если его захлестнет некий "поток черной грязи". Таким образом, возникла совершенно мифологическая ситуация: борьба между светом и тьмой.

Не меньшее любопытство вызывали у меня взгляды Фрейда на экстрасенсорное восприятие и парапсихологию в целом. В 1909 году, во время нашей встречи в Вене, я поинтересовался его мнением об этих явлениях. По причине своих материалистических предрассудков он заявил, что все мои вопросы бессмысленны и проявил при этом столь поверхностный позитивизм, что мне стоило большого труда не ответить ему резкостью. Это случилось за несколько лет до того, как сам Фрейд признал серьезность парапсихологии и фактическую достоверность "окультурных" феноменов.

И как-то за столом, когда опять заговорили о трупах, Фрейд упал в обморок. Позже он признался мне в своей тогдашней уверенности в том, что вся эта болтовня о трупах была затеяна мной, поскольку я будто бы желал его смерти. Я был ошарашен. Меня испугала мощь его фантазий, которая, на мой взгляд, и послужила причиной обморока.

Я был свидетелем еще одного его обморока в подобной ситуации. Это случилось на съезде психоаналитиков в Мюнхене в 1912 году.

Фрейд и раньше намекал, что видит во мне своего преемника. Меня это крайне смущало, я уже осознавал, что никогда не смогу должным образом отстаивать его взгляды, хотя в то время опровергнуть их достойным образом я не мог. Мое уважение к нему было слишком велико, чтобы желать окончательного размежевания наших позиций.

Я никогда не соглашался с Фрейдом в том, что сон - это некий заслоняющий смысл "фасад" - когда смысл существует, но он будто бы нарочно скрыт от сознания.

Так постепенно начала складываться книга "Метаморфозы и символы либидо". Пока шла работа над ней, я увидел сон, предрекавший будущий разрыв с Фрейдом.

В то время (в 1911 году) Фрейд уже не был для меня непререкаемым авторитетом, но по-прежнему оставался человеком, на которого я взирал снизу вверх, проецируя на него образ отца, - тогда это было именно так.

Находясь под влиянием личности Фрейда, я, насколько это удавалось, старался не навязывать ему собственных оценок и подавлял в себе критицизм. Это было необходимым условием нашего сотрудничества.

И теперь я почти уяснил, в чем дело: Фрейд, оказывается, сам страдал от невроза, что установить было совсем несложно, и симптомы его болезни были крайне неприятны, что и проявилось во время нашего путешествия в Америку. Конечно, он убеждал меня, что весь мир в какой-то степени болен и что мы должны быть более терпимыми. Но такое объяснение меня уже не удовлетворяло, я хотел знать, как избежать неврозов. Ни Фрейд, ни его ученики не поняли, к сожалению, что означает для теории и практики психоанализа тот факт, что сам учитель не сумел справиться с собственным неврозом. И, когда Фрейд объявил о намерении объединить теорию и метод, создавая из них своего рода догму, я более уже не мог сотрудничать с ним. Для меня не было иного выбора, как выйти из игры.

Работая над книгой "Метаморфозы и символы либидо" и заканчивая главу "Жертва", я понимал, что публикация ее положит конец моей дружбе с Фрейдом. Я намеревался сформулировать в ней собственную концепцию инцеста, рассмотреть различные трансформации понятия либидо и многое другое, в чем полностью расходился с Фрейдом. Инцест, на мой взгляд, лишь в отдельных случаях можно считать собственно отклонением. В целом же в инцесте основополагающую роль играет религиозное содержание. Не удивительно, что этот мотив и занимал такое важное место во всех космогониях. Но Фрейд, цепляясь за буквальный смысл, не желал понять его символическую суть. И было совершенно ясно, что он никогда не принял бы такое толкование.

После нашего разрыва все друзья и знакомые отвернулись от меня. Мою книгу объявили бессодержательной, меня - мистиком, тем все и кончилось.

Хочу заметить, что те, кто ставит мне в вину недооценку сексуальности, впадают в широко распространенную ошибку. Напротив, в моей психологии она играет значимую роль, как существенное, хотя и не единственное, выражение психической структуры.

В сексуальности я видел выражение некоего хтонического духа - того самого духа, который я называю злой личиной Бога. Проблема хтонического духа стала занимать меня с тех пор, как я соприкоснулся с духовным миром средневековой алхимии. Но первоначальный дали мне беседы с Фрейдом, когда я ощутил необъяснимую притягательность для него феномена сексуальности.

Открывая некие подступы к бессознательному, Фрейд тем самым дал нашей цивилизации новый толчок. Называя сновидения наиболее важным источником информации о бессознательных процессах, он вернул людям и науке инструмент, утерянный, казалось, безвозвратно. Он опытным путем продемонстрировал реальность бессознательной части души, существовавшей до этого лишь как философский постулат, главным образом у К. Г. Каруса и Э. фон Гартмана.

В заключение хочу отметить, что современная культура с ее бесконечной рефлексией еще не готова к восприятию идеи бессознательного и всего, что из нее следует, хотя уже почти полвека живет с нею бок о бок. Тот универсальный и основополагающий факт, что психика по сути двуполярна, еще ждет своего признания.